

УДК 331

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ МЕЖДУ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Т.Т. Шаболотов

Аппарат Жогорку Кенеша (Парламента) Кыргызской Республики, г. Бишкек
E-mail: shatt05@mail.ru

На основе изучения вопросов перемещения населения Центрально-азиатского региона рассмотрены проблемы и перспективы развития миграционных процессов между Кыргызстаном и Россией в контексте Евразийской интеграции.

Цель работы: анализ проблем и перспектив миграционных процессов, в частности процессов трудовой миграции в кыргызско-российских отношениях через выявление особенностей развития демографических и социально-экономических изменений в миграционном движении населения Кыргызской Республики и Российской Федерации, а также определение путей и методов регулирования миграционных потоков между двумя странами.

Результаты: определены масштабы трудовой миграции в Кыргызстане и обоснована классификация факторов, обуславливающих трудовую миграцию в Кыргызстане. Выявлены наиболее проблемные компоненты социальной, экономической, национальной безопасности Кыргызстана на основе комплексного анализа развития миграционных процессов между Кыргызстаном и Россией.

Ключевые слова:

Мигрант, гастарбайтер, иммиграция, миграционные процессы, рабочая сила, квота, Россия, Кыргызстан, Центральная Азия.

Одним из главных стратегических партнеров Кыргызской Республики является Российская Федерация, которая благодаря своим ресурсам и интересам в Кыргызстане способна оказать активное содействие в поддержании социально-экономического потенциала страны. На современном этапе сотрудничество Кыргызской Республики и Российской Федерации в области миграционной политики развивается вполне активно [1].

Однако существуют проблемы в развитии миграционных процессов между двумя странами, причем и типичные, характерные для других стран, и специфические, присущие только России и Кыргызстану. К одной из первостепенных необходимо отнести проблему упорядочения единого учета мигрантов, который позволит дать исчерпывающую информацию о численности трудовых мигрантов и местах их размещения. Отсутствие достоверной официальной статистики не позволяет вести объективные исследования в сфере миграционных процессов [2]. В Российской Федерации в 2010 г. легальными трудовыми мигрантами являются 4,5 млн чел. из общего числа мигрантов, которых насчитывается 7 млн чел. [3].

Если исходить из того, что иммиграция – явление неизбежное, в силу присущей человечеству мобильности, которая в последние десятилетия обусловлена серьезными демографическими и социальными диспропорциями между государствами, встает вопрос о необходимости извлечь из нее максимальную выгоду. В России иммиграция рассматривается как источник экономического и демографического роста принимающего общества. Роль государства при этом заключается не в том, чтобы стимулировать или ограничивать последнюю, а в умении использовать ее преимущества, то есть приглашать наиболее квалифицированных, образованных, инициативных, молодых и здоровых специалистов. Однако в Российскую Федерацию в основном в качестве рабочей силы едут выходцы из регионов Кыргызской Республики, плохо знающие язык принимающей страны. Россия с начала 2007 г. также перешла к квотированию иммигрантов.

Представители научного сообщества не раз говорили о том, что установить обоснованные квоты на привлечение рабочей силы крайне трудно. В России пока нет инструментов, позволяющих

установить «обоснованность» квоты, нет адекватной фотографии рынка труда, соответственно невозможно определить, сколько работников ему требуется [4].

Страны-доноры рассматривают селективную иммиграцию как политику, идущую вразрез с их национальными интересами. Лишаясь квалифицированных кадров, они обречены на экономическое отставание. Попыткой отчасти исправить складывающуюся ситуацию являются трансферты иммигрантов на родину. Так, денежные переводы диаспоры из Мали, обосновавшейся во Франции, в несколько раз превышают помощь международных организаций этой стране. В Марокко существует следующая практика: специалист, выезжающий за рубеж, обязан переводить определенные суммы на родину. Активно изучается опыт Индии, Южной Кореи, Китая, которые создают специальные условия, облегчающие репатриацию иммигрантов. С одной стороны, они подключают иммигрантов, не желающих возвращаться, к проектам национального развития («на расстоянии»), путем их инвестиций в национальные инновационные программы, исследовательские проекты и т. п. С другой – дипломированные национальные кадры, работающие за рубежом, как правило в частных компаниях, которым государство оказывает поддержку, служат каналом передачи знаний, опыта, инвестиций в отечественную экономику и науку. Кроме того, мигранты финансово поддерживают свои семьи. Все это, безусловно, требует помощи государства, специального законодательства, льготного налогообложения. Совершенно очевидно, что требует пересмотра допускаемая законодательством ситуация, когда работодатель может использовать труд иностранцев, уведомивших органы ФМС России о своем прибытии из-за рубежа, без оформления заявки на привлечение и использование иностранной рабочей силы. Иначе проблема несоответствия количества квот и числа приглашенных мигрантов, то есть их неконтролируемого, хотя и легального, притока, останется нерешенной, создавая дополнительную угрозу отечественному рынку труда.

Проблема трансфертов в отношении России с бывшими союзными республиками не менее актуальна, чем у европейских государств с развивающимся миром. В 2006 г. объем трансакций из Российской Федерации в страны СНГ, по данным Центробанка, равнялся 1,29 млрд долларов. По данным ФМС Российской Федерации, минуя таможенный контроль, мигранты ежегодно вывозят из России свыше 10 млрд долларов. Экономический ущерб, причиненный «нелегалами» из-за уплаты налогов, составляет более 8 млрд долларов в год [5]. Основными адресатами трансфертов являются Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан и Украина.

Особенностью трудовой миграции в Россию, в отличие от иммиграции в европейские страны, яв-

ляется низкая квалификация гастарбайтеров. Очевидно, что такой трудовой потенциал – 10 млн неквалифицированных нелегалов – не отвечает потребностям страны в развитии высоких технологий и инноваций. Более того, большая часть иммигрантов занята не в промышленности, как это было, например, в период индустриального подъема во Франции в 50–60-х гг. XX в., а в торговле и строительстве [6]. Проблема низкой квалификации иммигрантов не решается в полной мере и Программой переселения соотечественников, особенно это касается выходцев из Центральноазиатского региона. Сюда же можно отнести и плохое знание русского языка мигрантами.

В Россию приезжают гастарбайтеры, плохо или совсем не говорящие по-русски, так как это в основном люди среднего и молодого возраста, получившие образование (в лучшем случае) после распада СССР. Более 75 % лиц, подающих в Российской Федерации ходатайства о признании беженцем, не владеют или плохо владеют русским языком. Россия вышла на второе место в мире по числу прибывающих мигрантов (первое место по-прежнему занимает США).

Сократить иммиграцию в целом могла бы более эффективная координация между системой образования, профессиональной подготовкой и занятостью населения. Таким образом, целесообразно направлять часть безработных на обучение и переобучение по востребованным на рынке труда профессиям, за счет государства и работодателей. Однако надо иметь в виду, что значительная доля безработных – это женщины после 40 лет с высшим образованием [7]. Существуют другие непопулярные меры, которые также могли бы снизить потребность в мигрантах, например увеличение пенсионного возраста. Однако на сегодняшний день, учитывая заметный рост продолжительности жизни европейцев, эта мера скорее актуальна для Европы, чем для России.

К внешним факторам, влияющим на миграционную политику России, относится необходимость координировать ее в рамках европейского, средиземноморского сотрудничества и постсоветского пространства, а также приводить национальное законодательство в этой области в соответствие с международным. Наконец, внешнеполитические, геополитические интересы нередко, а в последнее время все чаще, диктуют тактику компромисса со странами-донорами, одновременно являющимися важными политическими, экономическими союзниками, или партнерами в энергодиалоге. Ориентируясь на поощрение контролируемой трудовой, временной, сезонной и студенческой миграции, государству необходимо предусмотреть возможную перспективу интеграции иммигрантов, остающихся на постоянное место жительства, как их способность к ней, так и ее оптимальную модель, а также комплекс мер, которые бы сохраняли привычный уровень жизни и комфорта, социально-культурную среду «коренного» насе-

ния. В противном случае, рост конфликтности и экстремизма в обществе неизбежен.

На современном этапе трудовая миграция оценивается как один из факторов сохранения правящих режимов и стабильности в регионе.

В Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане трудовые мигранты дают возможность выжить и простым людям, и чиновникам – как ни парадоксально это звучит, но в этом жизненные интересы власти и народа совпадают.

Россия и Казахстан дают работу многим трудовым мигрантам, приехавшим из Центральной Азии. Это отчасти снимает напряженность и в некоторой степени гасит протесты, которые могут возникать из-за неэффективной политики правительства. Однако этого не произошло в апреле 2010 г., когда народ Кыргызстана выразил свое недовольство по поводу проведения негативной политики президента и правительства республики.

В 2004–2008 гг., когда шел бум трудовой миграции, покинули дома и уехали на заработки в Россию и Казахстан 800 тыс. кыргызов, 1,5 млн таджиков и 2,5 млн узбеков [8]. Они работали на стройках (40 % рабочих – мигранты), в розничной торговле, сельском хозяйстве и ЖКХ и получали за свою работу меньше, чем платили местным жителям. Когда грянул мировой экономический кризис 2008 г., многие из них потеряли работу, около миллиона человек вернулись в свои дома в конце 2009 г. Но другие остались, перешли на нелегальное положение и брались за любую работу, лишь бы иметь возможность отправлять деньги домой, чтобы поддержать благосостояние семей. По мнению экспертов, возвращение трудовых мигрантов на родину и общее снижение количества денежных переводов способствовало смягчению социальных и политических потрясений в регионе.

В Центральной Азии растет зависимость от денежных переводов мигрантов. Кыргызстан признает, насколько важны денежные поступления от мигрантов для государства. Объемы денежных переводов из года в год увеличивались. Если в 2008 г. они составили 27 % ВВП Кыргызстана, то в 2009 г. поступления в Кыргызстан возросли от 430 млн долларов до 1,0 млрд. Поступления от переводов поднимали общий уровень жизни в Кыргызстане, не давая людям скатиться в нищету. В 2010 г. в Кыргызстан уже переведено 1 млрд 200 млн долларов, или треть ВВП [9].

При этом в странах региона наблюдалась сильная инфляция. Товары, производимые в Кыргызстане, постепенно вытеснялись с внутреннего рынка более дешевыми российскими или китайскими аналогами. Между 2005 и 2008 гг. объем импорта в Кыргызстане вырос втрое. Деньги, которые присылали мигранты, повышали покупательную способность населения, и цены росли. В 2010 г. в Кыргызстане был зафиксирован самый высокий в регионе рост цен на потребительские товары и услуги. Таким образом, основные товары становились все недоступнее для тех, кто оставался дома,

и у кого денег было меньше, – и это в свою очередь заставляло людей задуматься о миграции. Накануне кризиса поступления от мигрантов создавали иллюзию роста благополучия, хоть и относительного, но, тем не менее, устойчивого. Пока деньги поступали в страны региона, эти государства закрывали глаза и на ущербность собственных национальных экономик, и на проблемы насилия, которому подвергались мигранты в России, и на то, как негативно сказывается массовый отъезд трудоспособных мужчин на их семьях.

В 2009 г. международные наблюдатели заметили, что поступления средств в Кыргызстан сократились на 25 % по сравнению с 2008 г. В последующие годы наблюдался рост объемов переводимых мигрантами средств. Хотя денежные поступления являются основным, постоянным и надежным механизмом поддержки беднейших слоев населения, однако это эффективней и честней любой поддержки, которую предлагает государство. Эти деньги идут на покрытие самых необходимых семейных расходов. Если кому-то удается сделать накопления – это считается роскошью, и отложенные деньги тратят на медицинское обслуживание или образование.

Первой реакцией властей России и Казахстана на кризис стало сокращение квот на иностранную рабочую силу. Но многие мигранты, не только из Центральной Азии, работают в России и Казахстане нелегально. В России нелегалов около 65 % от общего числа мигрантов. В Казахстане доля нелегалов даже выше. Согласно официальным данным Посольства Кыргызской Республики в Республике Казахстан число работающих в Казахстане кыргызстанцев достигает 80 тыс. чел. Из них разрешение на трудовую деятельность имеют менее 10 %. Одна из основных проблем, с которой сталкиваются трудовые мигранты в Казахстане – это сложная процедура получения разрешительных документов на работу. Эксперты полагают, что численность мигрантов достигает 3 млн чел. ежегодно, и только около 200–300 тыс. из них работают легально [10].

Для въезда в Россию из Центральной Азии виза не нужна, и некоторые гастарбайтеры приезжают и работают, имея временную регистрацию, но не имея разрешения на работу. Некоторые заняты в так называемой «теневогой экономике», когда права рабочих не защищены, а их работодатели не платят налоги, могут задерживать зарплату, забирают паспорта рабочих и т. д. Уменьшение квоты сохранится еще некоторое время, даже если вдруг начнется экономический подъем, и причины такого уменьшения являются политическими, а не экономическими.

Многие мигранты понимают, на что они могут рассчитывать. Привыкнув избегать столкновений с властями у себя дома, где они чаще становятся жертвами мелкого вымогательства, чем получают реальную помощь, трудовые мигранты не желают иметь дела и с российской бюрократией. Большин-

ство из них подавлены кризисом, деморализованы ростом расистских настроений, вынуждены мириться с тяжелыми условиями труда и низкой заработной платой. Но они все равно приезжают в надежде найти хоть какую-то работу.

Некоторые экономисты и специалисты по миграции верят, что кризис уже прошел свою тяжелую стадию и дополнительных жестких мер по отношению к трудовым мигрантам ждать не приходится.

В конце 2009 г. Кыргызстан забеспокоился, что делать с возвращающимися мигрантами. Власти заговорили о создании центра по трудоустройству, но инициативы, направленные на создание дополнительных рабочих мест или на выплаты пособий по безработице, так и не были разработаны.

Многие власти в регионе не скрывают отсутствия интереса к мигрантам. Большинство из них надеются, что мигранты вернутся обратно в Россию, а некоторые их представители видят в мигрантах только возможный источник поборов.

Реакция принимающих сторон (России и Казахстана) и вялая активность центрально-азиатских правительств, которая носит скорее символический характер, ставит мигрантов перед фактом: их судьба зависит только от них самих. Они не могут ждать поддержки и помощи ни от принимающей страны, ни от собственного государства.

Мигранты обычно покидают дома весной и возвращаются в начале зимы. Из Кыргызстана, как правило, едут мужчины от восемнадцати до тридцати пяти лет, большинство из них окончили школу, некоторые имеют диплом о высшем образовании. Около 10...20 % – женщины. Решение уехать на заработки вызвано экономическими причинами.

От местного населения мигрантов отличает готовность работать по многу часов, причем на худших условиях.

Мигранты в России работают, как правило, в строительстве, там, где нужен ручной труд, на огромных рынках, которые есть в каждом крупном городе. Существует и гендерное разделение рынка труда: женщины, как правило, устраиваются домработницами и зарабатывают на 20 % меньше мужчин. Большинство мигрантов находят работу с помощью знакомых или родственников, которые приехали на заработки раньше и уже устроились. До кризиса, во время строительного бума, гастарбайтеры, имеющие строительный опыт и заручившись поддержкой подрядчиков, набирали себе бригады из родственников или соседей.

Денег, которые мигранты получали, могло быть больше, чем возможные заработки дома, но гастарбайтеры, безусловно, остаются рабочими «второго класса». Хотя они получают в месяц примерно столько же, сколько и русские рабочие – около 420 долларов – мигранты, как правило, работают на 20 или даже на 30 часов в неделю больше. В Казахстане мигрант получает зарплату раза

в два меньше, чем местный житель, и работодатель не платит за него социальный и пенсионный налог. Работодатели заинтересованы в том, чтобы те, кто на них работает, знали о своих правах как можно меньше.

Исследования, проведенные Институтом социологии Российской Академии наук, показали негативное отношение россиян к мигрантам, хотя люди и признают, что гастарбайтеры работают лучше, более дисциплинированы и надежны, а платить им нужно меньше.

Данные статистических исследований подтверждают: несмотря на то, что небольшая часть гастарбайтеров и вернулась домой во время кризиса, все они ждут улучшения ситуации, чтобы снова покинуть страну и вернуться в Россию.

В 2007 г., когда миграция достигла пика, минимальная заработная плата в Кыргызстане оставалась значительно ниже прожиточного минимума, необходимого для семьи с одним кормильцем. Согласно официальной статистике, в 2010 г. среднемесячная номинальная заработная плата в Кыргызстане была 150 долларов США [10].

Часто мигранты остаются в России и Казахстане, потому что не могут приехать домой – нет денег на обратный билет. Кыргызские мигранты говорят, что должны были работать два месяца по 24 часа в сутки, чтобы выплатить все долги за переезд в Россию. И только после этого начинают откладывать деньги для отправки домой или копить на собственное возвращение.

Многие не хотят возвращаться как проигравшие. Миграция всегда ассоциируется с успехом. Известны примеры, когда семьи, уезжавшие на заработки, приобретали машины, строили большие дома, начинали лучше есть и одеваться. Поэтому гастарбайтеры предпочитают не возвращаться домой, остаются, надеясь на лучшее. И учитывая то, что все родственники собирали деньги для отправки человека на заработки, ему по возвращению домой необходимо будет всем помогать, несмотря на кризис.

Однако труд оставшихся в России и Казахстане мигрантов оплачивается хуже, и работы для них становится меньше. В России численность легальных мигрантов резко сократилась. Кто-то сокращает рабочий сезон и уезжает раньше, кто-то остается, переходя на нелегальное положение. Работы на больших городских стройках стало меньше, и многие мигранты заняты в частном строительстве. Менее квалифицированные рабочие нашли заработок в ЖКХ или в сельском хозяйстве.

Из больших городов – Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбург, которые традиционно оставались центрами притяжения для гастарбайтеров, многие перебираются на Дальний Восток. Они зарабатывают 200–300 долл. в месяц и держатся за свою работу. Это гораздо больше, чем они могли бы заработать у себя на родине.

Антимигрантские настроения растут в российском обществе. Мало вникая в значимость мигран-

тов для российской экономики, общественное мнение фокусируется на том, что мигранты не платят налоги, что российская экономика от этого теряет, а Центральная Азия получает большую прибыль от денежных переводов гастарбайтеров. В России мигранты из Центральной Азии являются объектами милицейского произвола, ксенофобии и насилия со стороны скинхедов и расистов. Ксенофобия проявляется по-разному, от мелких домогательств и приставаний до насильственных преступлений. Согласно проведенным опросам, 47 % опрошенных верят, что мигранты разносят болезни и совершают преступления, 60 % считают, что мигранты несут угрозу терроризма [11]. Негативное восприятие мигрантов особенно сильно в Москве и Санкт-Петербурге. Большинство москвичей с трудом выносят высокую скученность мигрантов в некоторых районах столицы, говорят об этих районах как об этнических гетто и опасаются, что из-за присутствия в районе мигрантов стоимость квартир начнет падать.

Российские СМИ способствуют закреплению негативных культурных стереотипов, часто обвиняют мигрантов в росте преступности, распространении заболеваний, в том числе и СПИДа, но факты, на которые они опираются, неполны, их достоверность сомнительна. Власти сообщают, что число преступлений, совершаемых иностранными рабочими, действительно, возросло, но связывают это с нарушениями миграционного законодательства.

Многие мигранты не знают о своих правах, они предпочитают откупиться (даже за несовершеннолетнее правонарушение), лишь бы их не задерживали в милиции или не отнимали паспорт. Мигранты не доверяют милиции и потому неохотно сообщают о преступлениях, жертвами которых они становятся.

Недостаток информации о преступлениях против мигрантов создает впечатление, что этих преступлений почти не существует.

Наконец, межэтнические отношения могут оказаться под угрозой. Как правило, гастарбайтеры переживают кризис и сосредотачиваются на поиске работы, а не на смене правительства или режима. Однако если экономический кризис будет продолжаться, нельзя исключать возможной радикализации мигрантов.

Некоторые международные организации отмечают, что экономический кризис может спровоцировать проблемы, связанные с безопасностью. Исследование, опубликованное Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в конце 2009 г., называет среди последствий кризиса, *во-первых*, появление интереса к политике у традиционно аполитичного населения региона и, *во-вторых*, активизацию экстремистских религиозных организаций.

Несмотря на кризис, поток мигрантов в Россию не прекратится, и мигранты еще долго будут востребованы, так как естественная убыль российского населения будет расти, а число трудоспособных россиян сокращаться. Это серьезно скажется на промышленной отрасли России, которая должна проводить политику привлечения иностранной силы [12].

При отсутствии эффективных реформ продолжится общая люмпенизация центрально-азиатских обществ, поскольку все более или менее образованные, квалифицированные, здоровые и энергичные люди уезжают в Россию и принимают российское гражданство. Учитывая это, Кыргызстан не может позволить себе терять людей и дальше, если хочет выжить в качестве жизнеспособного и независимого государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Джекшенкулов А.Дж. Новые независимые государства ЦА в мировом сообществе. – М., 2000. – 285 с.
2. Муксинова А.Р. Миграционные процессы: межгосударственное сотрудничество России и Кыргызстана. – Бишкек, 2005. – 151 с.
3. Турдиева З.Т. Основные направления межгосударственного взаимодействия Российской Федерации и государств Центральной Азии в решении проблем международной безопасности. – Бишкек, 2011. – 86 с.
4. Трофимова Ж. Российская Бизнес-газета. – 27 мая 2008.
5. Российская газета. – 25 октября 2007.
6. Московский комсомолец. – 22 ноября 2007.
7. Российская газета. – 14 сентября 2007.
8. Фирсова Н.А. Проблемы международной трудовой миграции: политико-правовые аспекты // Вестник КРСУ. – 2010. – Т. 10. – № 1. – С. 32–35.
9. Лукашова И.В. Влияние мирового экономического кризиса на заработную плату и денежные переводы кыргызстанских мигрантов // Вестник КРСУ. – 2010. – Т. 10. – № 5. – С. 15–20.
10. Архив Министерства труда, занятости и миграции Кыргызской Республики. – Бишкек, 2011. – С. 18–26.
11. Хоперская Л.Л. Киргизская диаспора в России // Новые этнические группы в России: Пути гражданской интеграции. – М.: УОП ИЭА РАН, 2008. – 399 с.
12. Рыбаковский Л.Л. Демографическое будущее России и миграционные процессы // Социс. – 2005. – № 3. – С. 71–81.

Поступила 27.05.2013 г.

MIGRATION PROCESSES BETWEEN THE KYRGYZ REPUBLIC AND THE RUSSIAN FEDERATION WITHIN THE EURASIAN INTEGRATION

T.T. Shabolotov

Administration Office of the Jogorky Kenesh (the Parliament) of the Kyrgyz Republic, Bishkek
E-mail: shatt05@mail.ru

Based on the study of the population movement issues of the Central Asian region, the challenges and prospects for the development of the migration processes between the Kyrgyz Republic and the Russian Federation have been considered within the Eurasian integration.

The study objective is to analyze the challenges and prospects of the migration processes, particularly of the labour migration processes in the Kyrgyz–Russian relations through revealing the development peculiarities of demographic and socio-economic transformations in the migration population movement of the Kyrgyz Republic and the Russian Federation, as well as to define the regulation means and methods of the migratory movements between two countries.

The results: the scope of the labour migration in the Kyrgyz Republic was measured and the factors classification stipulating labour migration in Kyrgyzstan was substantiated. The most problematic components of the social, economic, national security of the Kyrgyz Republic were identified on the basis of comprehensive review of the migration processes development between the Kyrgyz Republic and the Russian Federation.

Key words:

Migrant, gastarbeiter (migrant laborer), immigration, migration processes, workforce, quota, Russia, Kyrgyzstan, Central Asia.

REFERENCES

1. Dzhekshenkulov A.Dzh. *Novye nezavisimye gosudarstva TSA v mirovom soobshestve* [New independent states of central Asia in the world]. Moscow, 2000. 285 p.
2. Muksinova A.R. *Migratsionnye protsessy: mezhgosudarstvennoe sotrudnichestvo Rossii i Kyrgystana* [Migration processes: interstate cooperation of Russia and Kyrgyzstan]. Bishkek, 2005. 151 p.
3. Turdieva Z.T. *Osnovnye napravleniya mezhgosudarstvennogo vzaimodeystviya Rossiyskoy Federatsii i gosudarstv Tsentralnoy Azii v reshenii problem mezhdunarodnoy bezopasnosti* [The principle directions in interstate cooperation of the Russian Federation and states of central Asia in solving the problems of international safety]. Bishkek, 2011. 86 p.
4. Trofimova Zh. *Rossiyskaya Biznes-gazeta* [Russian Business-newspaper]. 27 May 2008.
5. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 25 October 2007.
6. *Moskobskiy komsomolets* [Moscow Komsomol member]. 22 November 2007.
7. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 14 September 2007.
8. Firsova N.A. Problemy mezhdunarodnoy trudovoy migratsii: politiko-pravovye aspekty [Problems of international labor migration: political and legal aspects]. *Vestnik KRSU*, 2010, vol. 10, no. 1, pp. 32–35.
9. Lukashova I.V. Vliyaniye mirovogo ekonomicheskogo krizisa na zarabotnuyu platu i denezhnye perevody Kyrgyzstanskikh migrantov [The influence of the world crisis on salary and money transmission of Kyrgyz migrants]. *Vestnik KPSU*, 2010, vol. 10, no. 5, pp. 15–20.
10. Arkhiv Ministerstva truda, zanyatosti i migratsii Kyrgyzskoy Respubliki [Records of the Ministry of Labor, Employment and Migration of Kyrgyz republic]. Bishkek, 2011. pp. 18–26.
11. Khoperskaya L.L. Kirgizskaya diaspora v Rossii [Kyrgyz Diaspora in Russia]. *Novye etnicheskie gruppy v Rossii: puti grazhdanskoy integratsii* [New ethnic groups in Russia: ways of civil integration]. Moscow, UOP IEA RAN, 2008. 399 p.
12. Rybakovskiy L.L. Demograficheskoe budushchee Rossii i migratsionnye protsessy [Demographic future of Russia and immigration processes]. *Sotsis*, 2005, no. 3, pp. 71–81.